

Конечно, беспокоиться было не о чем. Егор знал это и так, но при виде красивого голого тела зав. производством Волковой, безмятежно распластавшейся на кровати, спокойствие проникало в самые-самые глубины егоровой души. Тихо и мирно становилось у него на душе, вот как в этот тёплый августовский вечер. Спокойно и хорошо. Что-то всё же его немного тревожило.

Волкова открыла глаза, ласково посмотрела на Егора и потянула за поводок.

Ошейник вдавился в шею и Егор пополз к Волковой. Было немного неудобно, т. к. руки за спиной были связаны. Он уткнулся в тёплое, шелковистое, пахнущее хозяйственным мылом межножье Волковой.

— «Ну давай, Егорушка, — сказала она и погладила его по взъерошенному затылку, — ещё разок, пожалуй, успеем. А то уж скоро придут.»

Он привычно быстро начал работать языком, с удовольствием замечая, как начинает таять, слегка подрагивая, большое, похожее на кремковый торт тело заведующей.

— Ах! — сказала Волкова и сжала полными бёдрами голову Егора. Все звуки исчезли, Егор скорее ощущал, как громко хлюпает без устали двигающийся язык. «Главное, — думал он, поглубже зарываясь носом, — не достаться Мельниковой. Злая она, спуску не даст. И ведь навсегда, на всю оставшуюся жизнь». Егор вспомнил, что о ней рассказывала Волкова, и инстинктивно плотнее сжал ягодицы. «А Волкова, она ничего, добрая баба, хоть и с причудами, конечно».

— А-ах: — простионала зав. производством и сильно натянула поводок, словно стараясь протолкнуть голову Егора вовнутрь. «Но лучше всего Куроедова». Он зажмурился, вспоминая сексапильную кассиршу, и плотно сжал губами клитор Волковой.

— Ах, — в третий раз произнесла она и как-то сразу обмякла. В дверь звонили. Волкова вскочила, отбросила поводок, накинула халат и побежала открывать.

Егор остался лежать на животе. В открытом окне он мог видеть фрагмент оранжевого заката и синий ствол растущей во дворе сосны. Поднимался ветер.

Через минуту все три женщины были в комнате. Старший технолог Мельникова плотоядно взглянула на влажный рот начальника. Красивая Куроедова провела ногтем по его ягодице.

— Ну вот, Егор, сейчас решится, кому ты достанешься, — сказала Волкова и снова намотала на руку поводок.

— Здесь четыре листа бумаги, — сказала Куроедова. На каждом написано имя одной из нас. Какой тебе выпадет, так тому и быть.

— А что на четвёртом? — спросил Егор.

Мельникова хищно моргнула и сжала губы. Куроедова отвернулась к окну. Волкова нервно дёрнула за поводок и виновато улыбнулась.

«В любом случае это судьба», — сказала она.

«Судьба выбирает человека, а не человек судьбу, — сказала Куроедова, — поэтому будет справедливо, если листок вытянешь не ты. К тому же у тебя руки связаны. Что символично». Мельникова нагнулась и тонким языком лизнула Егора в губы. Четыре листа бумаги лежали на полу.

«Второй справа», — сказала Куроедова. Мельникова, подняла листок, прочитала написанное

и положила его на стол. Затем подошла к Егору и широко раздвинула ему ноги.

«Ты остаёшься у Волковой», — сказала она.

Куредова нагнулась, подняла оставшиеся листы, два положила на спину Егору, а последний медленно разорвала и бросила обрывки в окно. Все трое перегнулись через подоконник, глядя, как похожие на бабочек кусочки бумаги медленно спускаются к земле.